

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ТУ СТОРОНУ

ЭКМО

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
Путешествие по ту сторону

«ЭКСМО»

2014

Островская Е. Н.

Путешествие по ту сторону / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2014 — (Татьяна Устинова рекомендует)

В жизни Алексея Верещагина затянулась черная полоса: по окончании вуза найти работу по специальности не удалось, и ему пришлось устроиться на автомойку. В личной жизни тоже никакого просвета – Регина, девушка, которую он любил, не желала его знать, ведь Алексей не из ее круга! Но однажды все изменилось: волей судьбы на мойку заехала Регина с отцом-бизнесменом, и тот предложил Верещагину место в своей компании. Черная полоса сменилась белой: Алексей заключил выгодный для фирмы контракт, а любимая наконец согласилась выйти за него замуж... Однако капризная удача быстро отвернулась: влиятельного тестя убили, на занявшего его место Верещагина было совершено покушение! Несмотря ни на что, Алексей готовился заключить новый, еще более выгодный для фирмы контракт. Он отправился на переговоры, а оказался на плантации в положении бесправного раба. Он потерял все, но только не волю к жизни и любви...

© Островская Е. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Татьяна Устинова	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Екатерина Островская

Путешествие по ту сторону

© Островская Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Татьяна Устинова

Мираж – страшный и невообразимо притягательный одновременно

Я люблю повести о Ходже Насреддине и перечитала их, наверное, раз десять. Перед глазами предстает необыкновенный, упоительный Восток: бухарский базар, верный ишак, жадный чайханщик, нищенка, стражники с медными щитами и зверь, «именуемый кот», который был посажен в золоченую клетку, чтобы обвести вокруг пальца простодушных бухарцев!

И тем более удивительно, что Екатерине Островской в детективных романах удается одинаково живо и колоритно описывать и европейское Средиземноморье, и дождливый Питер, и узбекскую пустыню – а это признак большого мастерства писателя, не ограниченного условностями и опасением ошибиться.

У Островской виртуозно получается придумывать невероятные, выдающиеся, фантастические истории, в которые точно можно поверить благодаря деталям, когда-то верно замеченным и мастерски вживленным в текст.

В «Путешествии по ту сторону», как в лучших восточных сказках, – сплошь плутовство, козни и коварство. Все запуталось и переплелось: потомки знаменитых художников, сухогрузы в порту Петербурга, тюки, полные белого хлопка, седина пыльных бурь узбекских Каракумов, пахлава на золоченом подносе, рубиновая рукоятка изогнутой джамбии, интриги халифов, отчаяние невольников, несметные богатства, изменчивые барханы, фантастические дворцы, оазисы и миражи.

Вся эта книга будто наваждение, мираж – страшный, сюрреалистический и невообразимо притягательный одновременно. Тем интереснее, что, несмотря на все невзгоды и лишения, выпадающие на долю героев, роман утешает, дает надежду. «Путешествие по ту сторону» не просто детектив, а обещание, что все будет хорошо, даже если станет совсем-совсем плохо.

Екатерина Островская легко сотворила «дивный новый», безумно увлекательный, опасный и быстрый мир – ей лихо удаются приключения! Книга затягивает с головой, буквально заставляет дышать сухим воздухом пустыни, и оторваться невозможно, да и не нужно!..

«Путешествие по ту сторону» – это настоящее «хлопковое дело», невероятно атмосферное и захватывающее чтение, история про любовь и ненависть, рабство и свободу, предательство и честь, безмерную алчность и тягу к жизни. Алексей Верещагин – потомок великого художника Верещагина, политолог-неудачник, подрабатывающий от безденежья на автомойке, – помогает заключить контракт на поставку хлопка из Узбекистана и, сам того не ведая, оказывается на линии огня. Погибает его босс, а на него самого совершено дерзкое покушение. И теперь Верещагину придется действовать – быстро и хладнокровно, потому что времени на размышления не осталось: под ударом оказывается его давняя возлюбленная Регина. Сможет ли Алексей сохранить свою жизнь и свободу, спасти любимых и наконец очнуться от этого удушающего, наступающего со всех сторон кошмара? Кто знает, хорошо ли закончится эта восточная сказка...

Часть первая

Глава 1

Алексей шагнул на улицу, придержал тяжелую дверь, чтобы не хлопнула, обернулся и зажмурился: после полумрака факультетских коридоров июньское солнце ослепило. Яркие блики прыгали по стенам, благоухала сирень, чирикали воробьи и щебетали девушки. Молоденькие студентки – небольшая группка – о чем-то громко переговаривались и смеялись. Одна из них посмотрела на него, и он отвел глаза: девушка была красива – самая привлекательная среди тех, что окружали ее.

В пяти шагах курил Ваня Дынин, и Алексей подошел к нему.

– Ну, как прошла защита? – поинтересовался сокурсник.

– Нормально, – ответил Верещагин, – через час сказали подойти на кафедру.

– А ты сам что думаешь?

– Я не думаю, я жду.

Ванька перехватил его взгляд и понизил голос:

– Ее зовут Регина, она с факультета международных отношений. Даже не мечтай, Верещагин, там такие люди над ней работают!

– Да я и...

Леша не договорил. Увидел, что девушка смотрит на него, и не стал ничего о ней говорить, просто отвернулся. Надо же, как это он не видел ее прежде, Регина и в самом деле была притягательно красива.

– Знаешь, год назад я решил подъехать к ней, – продолжал Дынин, не заботясь, слышит его девушка или нет. – Думал, приглашу в клуб, потусуемся, я ее обаяю... Но она головой покрутила и дальше побежала. Ни «да», ни «нет». На следующий день дождался ее на выходе, только подвалил, а меня какой-то не очень русский мордорот в сторону отодвинул, ну и я решил жизнью не рисковать... К тому же я тогда уже с Плошкиной со второго курса замутил. Помнишь такую? Ее потом, на третьем, отчислили.

Алексей помотал головой, стараясь смотреть в сторону: ему показалось, что девушки примолкли, а значит, прислушиваются к их разговору.

– Как же ты не помнишь Плошкину? – удивился Дынин. – Такая вся из себя... А здесь так вообще...

Ванька тут же нарисовал руками две огромные полуокружности перед своей грудью.

– Только роста маленького, – вздохнул Дынин, – а эта вполне. Жаль, что учеба уже закончилась, а то можно было бы все же рискнуть. Хотя... Что, если прямо сейчас подъехать? Слышь, Верещагин, ты подойди к ней, спроси что-нибудь, завяжи разговор, а потом и я подключусь.

Алексей посмотрел на часы.

– Мне на кафедру пора, – обронил он и отправился на факультет.

Кроме него, еще двое защищали в этот день магистерские диссертации – Павел Стародубский и Надежда Решко. Пашка-то оставался спокойным, а вот Надя была красной от волнения – секретарь кафедры уже выскакивала в коридор и шепнула ей, что Верещагин со Стародубским получили «отлично», а по ее поводу возникли разногласия.

– Надеюсь, двойку-то не собираются вкатить? – растерялась Решко, готовая уже расплакаться.

Но «неудов» в тот день решили никому не ставить, так что до слез дело не дошло. А Стародубский и Верещагин получили то, на что оба и рассчитывали.

Когда защитившиеся спускались по лестнице, Паша вдруг сказал, что у него заказан столик на кораблике, и пригласил обоих сокурсников. Правда, когда оказались на улице, увидели Дынина, и тот напросился тоже.

Плавающий ресторан швартовался неподалеку. Главное было – успеть вовремя, потому что кораблик не стоял на приколе, а время от времени уходил в плавание по Неве. Тогда можно было сидеть на палубе, слушать музыку и любоваться тем, как мимо проплывают гранитные набережные, городские пейзажи. Алексей смотрел на знакомый и впервые увиденный сегодня с реки Питер, поражался его красоте и величию, радовался вместе со всеми окончанию университета. Громче всех веселился Дынин, которому предстояло защищать магистерскую диссертацию только через неделю.

– У меня еще и конь не валялся, – орал он, делая очередную попытку положить руку на плечо Решко, – а настроение такое, что ничего делать не хочется!

Дынин хохотал, полагая, что развеселил всех, включая официантов, оглядывался, а Надя молча снимала со своего плеча его руку.

Неожиданно Ванька пнул под столом Верещагина:

– Регина тут.

Алексей поднял глаза и увидел девушку, о которой думал последние два часа. Регина сидела через три столика от их компании, в окружении то ли тех же девушек, с которыми разговаривала у входа на факультет, а может, уже других, и смотрела на него.

– Танцы начнутся, и я ее приглашу, – объявил Дынин. . . – Никуда она от меня не денется!

Он наполнил свой бокал шампанским и тут же осушил его без тостов и не дожидаясь остальных.

Однако танцевать с Региной Дынину не довелось. Как только заиграла музыка и первые пары вышли из-за столиков, Леша посмотрел на Регину: девушка кивнула и стала подниматься. Еще не уверенный, что понял ее правильно, Верещагин поспешил ей навстречу. Но самым удивительным оказалось то, что она знала его имя. Когда солнце закатилось за Васильевский остров, подружки Регины дружно сошли на берег, потому что танцевать их приглашал лишь подвыпивший Дынин, или, может, от того, что Регина пересела за столик к выпускникам. От реки уже веяло прохладой, музыка смолкла, чайки, готовясь ко сну, опустили на воду, а Верещагин все обдумывал фразу, за которой последовали бы следующие встречи. И вдруг новая знакомая, нисколько не стесняясь присутствия посторонних, сказала, глядя на него и улыбаясь:

– Ну что, поехали ко мне?

Они начали целоваться еще в такси. Целовались в подъезде, в кабине лифта. Еще не успев зайти в квартиру, Регина начала стягивать с себя коротенький пиджачок, а переступив порог, скинула через голову топик. . . Алексей продолжал целовать ее, а девушка уже тянула его в сумрак незнакомого дома. . .

Когда за оконными стеклами растаяла короткая июньская ночь, но солнце еще не проснулось, еще молчали птицы и город, Регина отстранила Лешку и устало произнесла:

– Я сегодня устала, хочу выспаться. Провожать не буду, дверь сам найдешь. Только проведи, чтобы замок шелкнул.

Верещагину показалось, что он ослышался, но переспрашивать не стал, поинтересовался лишь, когда можно позвонить. Он рассчитывал связаться с ней по телефону, договориться о встрече, надеялся, что к полудню Регина выспится и будет ждать его звонка. А сам, понятное дело, не уснет сегодня точно.

– Не обижайся, – ответила девушка, – но ты мне ничего не должен, и я тебе тоже. Так что никаких обязательств.

Лешка поднялся молча, оделся, а она повернулась к нему спиной. Когда Алексей подошел, наклонился и поцеловал ее, Регина, не открывая глаз, чмокнула воздух и напонила:

– Проверь, чтобы замок щелкнул.

Он не звонил. Да и не мог позвонить, потому что не знал номеров ее телефонов и не искал встреч. То есть почти не искал. Осенью один раз приехал к ней на факультет, стоял в коридоре возле расписания, ждал, а когда увидел ее, двинулся навстречу, не в силах сдержать улыбку. Регина беседовала с какой-то подружкой и видела его – наверняка видела, потому что скользнула взглядом по счастливому и растерянному лицу Лешки. Но тут же вновь повернулась к подружке и молча прошла мимо.

И тогда Алексей понял, что все кончилось. Вернее, понял, что все рухнуло.

Глава 2

С поисками работы было туго. То есть работа была где-то, но не для Верещагина. Политологи, к тому же без опыта работы, как выяснилось, никому не нужны. Со всего курса место по специальности нашли только Стародубский и Дынин. Павла взяли в институт политических проблем, в котором директорствовал Стародубский-старший, а Ванька пристроился на какую-то должность в законодательное собрание области, где его отец возглавлял не то комитет, не то некую комиссию. Еще повезло Решко, которая вдруг стала социологом. Повезло вдвойне, так как именно социологию Надежда пыталась сдать больше года. Она тогда постоянно таскала в деканат справки о болезни, вернее, о болезнях, которых у нее вдруг появилось сразу великое множество.

Алексей был готов устроиться кем угодно и куда угодно. Он искал объявления в газетах, созванивался, приходил на собеседования. Но там обнаруживалось, что требуются не менеджеры, которым в рекламе обещали быстрый карьерный рост и большую зарплату, а продавцы косметики, пищевых добавок, шариковых ручек с фонариками и стелек с подогревом.

Однажды Леша явился на очередную встречу с работодателем и увидел большое скопление таких же, как и он, соискателей. Толпу загнали в зал, заиграла громкая музыка, все стали рассаживаться и заранее радоваться. На сцене появился прилизанный молодой человек и начал убеждать собравшихся в том, что их всех, без исключения, ждет замечательное будущее, если, конечно, они будут сотрудничать с их замечательной фирмой и распространять необходимые народу тайские таблетки, кои стабилизируют давление, способствуют улучшению пищеварения, делают кожу молодой, а кроме того, оказывают целый ряд дополнительных положительных эффектов.

– Давайте поаплодируем! – приказал ведущий.

И присутствующие в зале начали громко хлопать в ладоши.

Алексей оглянулся, посмотрел на окружающих его людей, увидел их глаза и удивился: похоже, все эти люди сейчас поняли, что оказались именно в том месте, о котором мечтали всю жизнь.

– А вы почему не аплодируете? – обратился к нему со сцены прилизанный юноша. – Вы, наверное, не верите в силу тайских таблеток?

Он приветливо улыбался, а те, кто сидел рядом, смотрели на Верещагина с ненавистью. Две женщины, только что сжимавшие его с двух сторон своими боками, быстро отодвинулись.

– Эх вы, Фома неверующий... – вздохнул молодой человек. – Ну, сейчас мы вам докажем.

Ведущий взмахнул рукой, тут же заиграла совсем уж веселая музыка, и на сцену друг за другом трусцой выбежали три женщины и двое мужчин. Они выстроились в шеренгу и, пока играла музыка, продолжали на месте бег трусцой. Музыка оборвалась, и все пятеро одновременно замерли, убрали руки за спины. Тут же одна из женщин сделала шаг вперед и радостно провозгласила:

– Меня зовут Оксана, мне тридцать семь лет. Еще совсем недавно я была глубоко несчастной матерью-одиночкой, у меня не имелось денег, работы, я погрязла в кредитах, которые никогда не смогла бы отдать, все валилось у меня из рук, шалило здоровье, и выглядела я на все пятьдесят. Но, попав в замечательный коллектив, преобразилась, сама стала принимать волшебные таблетки, и почти сразу жизнь моя изменилась. Во-первых, я стала очень хорошо зарабатывать и купила наконец новую квартиру. Потом – посмотрите, как я выгляжу, никто не дает мне и тридцати. И у меня наконец появился любимый человек – молодой преуспевающий бизнесмен. Недавно мы с ним отдыхали на Ямайке, и там он сделал мне предложение, скоро мы поженимся.

– Поаплодируем Оксане! – приказал ведущий.

Зал взорвался овациями.

Женщина вернулась в строй, и тут же из него выскочил пятидесятилетний мужчина в начищенных до блеска старых ботинках.

– А я – Михаил, полковник в отставке. Выйдя на пенсию, долго не мог найти себя, и у меня тоже все валилось из рук. Скажу больше: я потерял мужскую силу, бросила меня жена, и в один из печальных дней я надумал покончить жизнь суицидом, то есть застрелиться из наградного оружия. Но в тот страшный для меня момент взгляд мой упал на рекламу тайских таблеток. «Чем черт не шутит?» – подумал я и решил напоследок прийти на такую вот встречу. Не прошло и двух месяцев, как жизнь моя изменилась. А мужская сила вернулась гораздо раньше – через неделю употребления таблеток я встретил замечательную женщину, тоже одинокую, и у нас все получилось. Она работает в школе, и я отвожу ее туда на новеньком «Мерседесе». Летом мы отдыхаем на островах в океане, а зимой отправляемся на горнолыжные курорты Куршавеля...

– Поаплодируем Михаилу! – прозвучал голос ведущего.

Оглушенный аплодисментами Верещагин поднялся и пошел к выходу. Он двигался по ряду, мимо кресел с сидящими людьми, и его пинали ногами. По обе стороны от выхода стояли два рослых парня. Алексей толкнул дверь, но та не поддавалась. Подергал ручку – безрезультатно: створка была заперта.

– Ты куда намылился, урод? – спросил один из парней. – Сиди со всеми вместе!

– Я сейчас вернусь, – пообещал Леша. – Мне в туалет надо, живот прихватило. Вы же не хотите, чтобы я прилюдно оконфузился? Мероприятие сорвется...

– Ладно, – согласился второй охранник, – выпустим тебя в сортир. Только ты побыстрее там!

– Меня зовут Марина, – тем временем делилась с просветленным лицом прежними невзгодами очередная женщина на сцене. – Я трижды была замужем, и каждый раз неудачно. Я даже не знала, что интимная жизнь может доставлять удовольствие, я оставалась холодной, и мужчины шарахались от меня. А потом подруга предложила мне попробовать эти таблетки. Все сразу изменилось – вы даже представить себе не можете, что я теперь испытываю в постели. На меня обращают внимание мужчины, а один известный режиссер сделал мне предложение. Вернее, два предложения: сначала руки и сердца, а потом сняться в его новом сериале...

Алексей дал объявления о поиске работы в газете и в Интернете. Тексты были разными. В интернетовском он сказал, что является дипломированным политологом, а в газетном, уже понимая, что политологи никому не нужны, сообщил, что крепкий молодой парень согласен на любую работу. Пока ждал ответа, попытался устроиться учителем в школу, но преподаватели обществознания и истории там почему-то не требовались.

Вскоре по телефону, указанному в газетном объявлении, позвонил мужчина.

– Вы можете помочь в непростой ситуации? – поинтересовался он вкрадчиво.

– Смотря какая ситуация.

– У меня собака постоянно лает... То есть не у меня, у соседа по площадке. Сосед пропадает где-то целыми днями, а пес гавкает так, что уши лопаются. Я ему сказал, что так невозможно жить, а он меня послал.

– Какой помощи вы ждете от меня? – уточнил Верещагин.

– Готов заплатить пятьсот. Не рублей, разумеется. Фотографию собаки я вам при встрече передам вместе с авансом. Псина каждый день утром и вечером с хозяином гуляет. Сделайте так, чтобы она не лаяла больше никогда...

Алексей помолчал и спросил:

– Это все?

Мужчина вздохнул и тут же перешел на шепот:

– Я понимаю, что по нынешним временам пятьсот баксов – не деньги. Поэтому готов доплатить еще полторы – за хозяина собаки...

Потом позвонила дама и попросила Алексея описать его внешность.

– Рост выше среднего, светловолосый, спортивный, – начал он. И спросил: – А вам это зачем?

– Мне сорок четыре года, – не отвечая на вопрос, деловым голосом продолжила дама, – но выгляжу моложе. Муж значительно старше меня: ему пятьдесят один. У нас разные интересы: ему бы поспать, а мне наоборот. Ну вы же понимаете...

– Не совсем, – осторожно сказал Леша, хотя не понимал ничего.

– Да что же здесь непонятного? Мне нужен мужчина для встреч. Тайная квартирка у меня имеется. Вы как предпочитаете оплату: помесечно или за каждую встречу? Назовите стоимость ваших услуг.

– Вообще-то я хотел получать за работу.

– Будете работать хорошо – и получать будете хорошо. Деньги для меня не самое главное в жизни...

Для Алексея деньги тоже были не самым главным, но когда их нет вовсе, приходилось думать о том, как заработать. Хотя думал он больше о Регине.

Осенью, после того как сходил на факультет международных отношений, встретил девушку и понял, что надеяться ему не на что, Леша вернулся домой, сел перед компьютером, отыскал в социальных сетях страничку Регины и начал рассматривать ее фотографии. Судя по снимкам, красавица много путешествовала: Елисейские Поля в Париже, развалины Акрополя, Карлов мост в Праге, Колизей, Биг-Бен в Лондоне... Регина позировала на фоне достопримечательностей и была прекрасна, приковывала взгляд больше, чем барельефы на храмах Камасутры в Кхаджурахо, где тоже побывала. Но большая часть снимков была сделана на пляжах. Алексей рассматривал знакомое ему тело, думал о том, что кто-то, возможно, именно сейчас обнимает Регину, целует, гладит ее кожу, и эта мысль злила.

Неслышно подошел отец и посмотрел через плечо.

– Симпатичная девушка, – оценил он. И спросил: – Так, значит, это по ней ты так убиваешься?

– Я убиваюсь? – попытался прикинуться равнодушным Лешка. – С чего ты взял? Просто смотрю на фотографии.

– Ну, тогда хорошо, – кивнул отец, продолжая разглядывать Регину. – Но если она тебе не звонит и не желает встречаться, хотя ты, надеюсь, не сделал ей ничего плохого, то нужны ли эти встречи вообще? В одной старой песенке есть две мудрых строчки: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло». Если ты ее любишь, то поймешь, примешь ее отношение к себе и не будешь навязываться.

– Но я хочу ее видеть!

– Все наши беды начинаются со слов «я хочу». Если желания не исполняются, жизнь уже не приносит радости. Когда человек начинает домогаться встреч другого... Если он караулит любимую девушку у подъезда, зная, что та не желает его видеть, то это уже не любовь, а страсть, совсем другое чувство. Любовь помогает совершать великие подвиги, страсть же толкает порой на гнусные преступления...

Алексей спорить не стал, просто вышел из Интернета.

– Работу искал, – объяснил он, – на снимки случайно напоролся.

– Если ты не против, я по поводу твоей работы поговорю с Колькой, – сказал, выходя в коридор, отец.

Его двоюродный брат занимался бизнесом – владел автомастерской с двумя боксами для мойки машин.

Николай Сергеевич приехал тем же вечером – будто бы случайно проезжал мимо и решил заскочить. Был он недолго, а перед самым уходом вызвал в прихожую Лешку.

– Если нужна работа, можешь у меня потрудиться. На ремонте не предлагаю, там грязно, да и вообще нужны специалисты, а вот руководить мойкой с удовольствием тебя возьму. Узбекский язык не забыл еще?

По-узбекски Алексей вряд ли смог бы разговаривать, но кое-что понимал. Когда-то Верещагины жили в Узбекистане – отец служил командиром эскадрильи, мама работала товароведом в военторге, Леша посещал узбекский детский сад и первый класс закончил в школе, где для большинства учеников узбекский был родным. Тогда Алексей говорил по-узбекски почти так же, как и на русском, но с той поры у него почти не было практики общения.

В боксах на мойке у дяди Коли трудилась бригада узбеков. До них были русские, но те сами уволились, когда Николай Сергеевич установил видеокамеры, чтобы можно было в конце дня сопоставить количество обслуженных клиентов с величиной выручки. Узбеки никаких претензий к видеоаппаратуре не предъявляли, но общаться с ними было хозяину тяжело, потому что любой невыполненный приказ начальства они оправдывали плохим пониманием русского.

Леша осмотрел место, где ему было предложено работать, узбеков, которыми нужно руководить, и хотел отказаться. Но тут дядя Коля сказал, что пятая часть выручки идет на оплату труда всей бригады, и если узбекам платить по пятьсот рублей в день, то Алексею должно ежедневно оставаться две или даже две с половиной тысячи. Верещагин-младший задумался: значит, он будет получать две тысячи долларов в месяц или чуть больше? У отца вместе с военной пенсией и нынешним окладом управхоза в небольшой фирме выходило меньше. И Лешка согласился, хотя и решил, что это не надолго.

Он даже предполагать не мог, что застрянет на мойке на долгих пять лет.

Глава 3

За пять лет ничего не изменилось, менялись только узбеки: некоторые пристраивались на рынках, где ничего мыть не надо, другие, не в силах бороться с ностальгией, возвращались на родину, а кому-то не нравилось, что при начальнике выражать свои мысли вслух на родном языке не следует. Бывали дни, когда мойщиков не хватало, и тогда Алексей сам обслуживал клиентов. Поначалу это вызывало у Верещагина раздражение: как так, он, магистр политических наук, пылесосит салоны, полирует, покрывает воском автомобили, принадлежащие людям, не всегда образованным, а зачастую и просто наглым! Но потом Леша привык и даже порой с удовлетворением отмечал, что делает все быстрее и качественнее своих подчиненных. Он даже не слишком уставал, хотя находился на работе с раннего утра до позднего вечера. Клиентов было много, и заработок оказался даже больше того, что обещал дядя Коля. Алексей мог пригласить знакомую девушку в не самый дешевый ресторан, мог поехать отдохнуть в Европу или в какую-нибудь экзотическую страну, облюбованную российскими туроператорами, следил за своим гардеробом и на жизнь не жаловался. Его устраивало все, кроме... кроме самой работы.

В один из летних вечеров, когда узбеки еще не ушли в подсобку есть плов, но уже дружно жаловались на усталость, в бокс мойки вкатился сверкающий новой полировкой «Мерседес» с удлиненной базой, в каких разъезжают только весьма состоятельные люди. Автомобиль не требовал никакой особой работы, и Верещагин решил сам обслужить клиента.

Из «Мерседеса» вышел плотный человек лет пятидесяти и направился к воротам в сторону сверкающего вечернего солнца. Не замедляя шага, он бросил на ходу Алексею:

– Чтобы ни пылинки!

Стекла лимузина были тонированными, а задние окна прикрывали еще и опущенные непрозрачные шторы. И все же Верещагин, намывая автомобиль, разглядел сидящую в салоне блондинку. Старался работать быстро не потому, что такие клиенты обычно оставляют щедрые чаевые, а чтобы не давать расслабиться подчиненным, только и ищущим повода улизнуть, чтобы после отъезда дорогой машины можно было им сказать:

– Боринглар ишлаш!

Если произнести по-русски: «Идите работайте!», пришлось бы повторить несколько раз, прежде чем подчиненные поймут, что приказы начальника не обсуждаются, а фразу, прозвучавшую на родном языке, они оспорить не могли. Наверное, поэтому и жаловались друг другу на невыносимые условия труда.

Подошел хозяин машины, стал внимательно рассматривать Лешку.

– Совсем, что ли, жизнь забодала, раз вместе с черными работаешь? Смотри – они сидят, а ты пашешь хуже негра.

– Вообще-то я здесь начальник, а вашу машину взял, чтобы размяться, – объяснил Верещагин. И поинтересовался, нужно ли пропылесосить салон.

– Ты – белый человек, а потому работать должны они, ты же сидеть и пить кофе, – не мог успокоиться незнакомец. Затем вынул бумажники, не глядя, достал из него тысячную, протянул Алексею: – Сдачи не надо. И салон пылесосить не требуется: я в свою машину неопрятных людей не пускаю.

Этими словами он, вероятно, хотел лишний раз подчеркнуть, что принадлежит к кругу людей особых, к которым никакая грязь пристать не должна.

Ворота поднялись, «Мерседес» двинулся навстречу солнцу, но, едва выкатившись из бокса, остановился. Алексей, который уже направился к своему кабинетику, услышал сигнал клаксона, поспешил подбежать к машине, предполагая, что клиент остался чем-то недоволен.

Стекло окна водительской двери было опущено, и когда Верещагин подошел, мужчина протянул ему визитку:

– Позвони мне завтра, возможно, у меня найдется для тебя местечко.

Алексей поблагодарил. Наклонился, посмотрел в салон и обомлел: внутри, глядя в сторону, сидела Регина.

Вернувшись в кабинет, он прочитал подпись на маленьком прямоугольнике картона, который держал в руке:

«Seaman & company international

Морские перевозки, оформление,

сопровождение грузов, страхование.

Сименко Эдуард Борисович,

генеральный директор».

Кто он, этот мужчина, Регине? Муж? Любовник? Понятно, что этого человека Регина считает достойным себя. И, возможно, так и есть. Но ведь толстый дядька вдвое старше ее! Выходит, ради какого-то Сименко с его морскими перевозками Регина отвергла его, Лешкину, любовь! Но если бы у него был хотя бы один шанс, он бы достиг многого, стал бы таким же, как этот Сименко, или даже добился большего! И все ради нее, ради того, чтобы быть рядом с ней!

Обида и злость душили Верещагина. В кабинетик пробил запах плова. Чей-то счастливый голос пропел за стеной:

– Эй, догоню, Хабибу дого-оню...

Алексей нашел в записной книжке номер телефона Дынина и нажал кнопку мобильного.

– О! – закричал радостно Ванька, словно давно ждал его звонка. – Ты чего пропал-то? Давай-ка куда-нибудь сходим на днях, посидим, как в былые времена. А можно, пока тепло, на пароходике...

– Кстати, о судоходных компаниях, – будто бы вспомнил Алексей. – Мне тут в одной работу предлагают, там некий Сименко директором. Может, что-то слышал про него?

– Не-а, – признался Дынин. – Но у меня есть база, в которой на всех крупных предпринимателей имеется информация: где, что, когда, с кем, на ком женат... Сейчас, уже смотрю... Ты вообще где сейчас? Понятно, что не по специальности... Сейчас никто по специальности не работает, все как могут пристраиваются... Ага, вот, нашел! Сименко Эдуард Борисович – пятьдесят два года, окончил Морскую академию, работал на судах дальнего плавания, потом в порту, не привлекался, не избирался. Жена – Бронислава Маневич, сорок шесть лет, дочь – Регина Маневич, двадцать пять... И все. Не густо. А тебя туда кем берут? Послушай! Так это та самая Регина Маневич с факультета международных отношений! Помнишь, после твоей защиты мы погужбанили немного...

– А, когда мы на кораблике с кем-то познакомились? – изобразил пробуждение памяти Верещагин. – Разве ту девчонку Региной звали?

– Не мы познакомились, а ты, – уточнил Дынин. – И вообще это очень современно: провести с девушкой ночь и даже не поинтересоваться ее именем.

– Я не проводил с ней ночь.

– Да ладно! – не поверил Иван. – Я не настолько пьян был тогда, чтобы ничего не понимать. Ее звали Регина Маневич, на нее пол-универа тогда пялилось...

Они поговорили еще немного. Леша уже не мог сидеть на месте, с Дыниным разговаривал, прижав к уху мобильник и расхаживая из угла в угол по своему пятиметровому кабинету. Потом вышел в коридор, улыбаясь, продолжал беседу, толком не соображая, о чем речь.

«Значит, толстый дядька ее отец, – размышлял в радостном нетерпении Леша. – Что ж, это меняет дело. А вдруг она замужем? Нет, нет. В таком случае разъезжала бы в машине с мужем, а не с отцом. Будь я ее мужем, не отпускал бы ее от себя ни на секунду...»

Узнав, чьим отцом является клиент, предложивший ему работу, Верещагин уже не сомневался, что позвонит и пойдет на встречу с Сименко, постарается ему понравиться, только чтобы попасть к нему в фирму. Все равно, какая будет должность и какой будет оклад – главное, очень скоро он будет рядом... то есть Регина будет рядом... А там уж найти повод для встречи – плевое дело.

Уже не было смысла сидеть на работе. Алексей попрощался с узбеками, сел в автомобиль и задумался. На такую важную встречу надо явиться одетым соответственно, чтобы Сименко, если у него возникнет желание взять незнакомого человека на работу, не предложил самую малую должность. В гардеробе Верещагина висел подобающий случаю костюм, но темный, а сейчас ведь конец лета, значит, прийти надо в чем-то светлом, легком и одновременном строгим. А такого у Алексея не имелось. Не отправляться же к будущему начальству в джинсах и полупрозрачной марлевой рубашке! Потому он решил пробежаться по магазинам.

Домой вернулся с большим пакетом, в котором лежал аккуратно упакованный белый костюм – продавщица бутика уверяла, что товар настоящий, из Европы. А во втором маленьком пакете находилась коробочка с итальянскими белыми ботинками.

Вечером Леша решил лечь пораньше, чтобы с утра быть свежим и не выглядеть уставшим. Лежал и размышлял, пытался заснуть, но перед глазами все время появлялась Регина. Верещагин поднялся и включил компьютер, чтобы еще раз посмотреть на ее фотографии. Сердце колотилось в радостном ожидании, а время ползло на удивление медленно.

Глава 4

Конечно, все это время он не был монахом, но и, так сказать, в разгуляево не уходил. За пять лет – не более десятка романов разной степени зачитанности.

Полтора года Алексей встречался с двадцатипятилетней инструкторшей по фитнесу, с которой познакомился в тренажерном зале. Девушка нравилась ему, и Верещагин, если бы ему намекнули, женился, но подружка сама была категорически против – по условиям брачного контракта ее бывший муж, француз, выплачивал алименты только до того времени, пока она не вступит в новый брак. А платил экс-супруг, видимо, неплохо – инструкторша выглядела шикарно. Потом муж вернулся, поняв, что в своей Франции лучше жены не найдет, и увез ее и маленькую дочку в Париж. Еще у Алексея были регулярные встречи с аспиранткой Академии государственной службы. То есть это она говорила, что учится в аспирантуре и что ей всего двадцать четыре, и продолжала врать, даже зная, что Леша случайно заглянул в ее паспорт и узнал настоящий возраст. Через какое-то время Верещагину позвонил чиновник из городской администрации и, угрожая проблемами, потребовал не встречаться с его женой даже случайно. Леша послал его подальше, но связь разорвал.

Полгода Алексей мотался в Авиагородок к стюардессе, которая ждала его, вернувшись с международных рейсов. У него имелся свой ключ от ее крохотной квартирки, он входил туда и постоянно заставлял ее на четырехметровой кухоньке, где девушка пила кофе и «Бейлис». Ночами бутылка ликера обычно стояла рядом с неутомимой стюардессой на прикроватной тумбочке – начатая перед приходом Алексея, к утру емкость становилась пустой...

Была в его жизни агент по продаже недвижимости, но отношения с ней не могли быть долгими и серьезными – девушка материлась через каждое слово и ненавидела всех своих клиентов, которые не соглашались сразу на предложенные ею варианты, а сразу не соглашался никто. Была мулатка-танцовщица – тихая и закомплексованная днем, но менявшаяся с наступлением темноты, превращавшаяся в смешливую и неудержимую. Кроме того, в этом списке была девушка из банка, где Алексей оформлял кредит на покупку своего «Пассата». Рабочий день заканчивался, и он предложил ей поужинать вместе. Девушка держалась мило и скромно, но тем же вечером пригласила его к себе. Встречались они почти год – поначалу ежедневно, потом через два дня на третий, затем раз в неделю. А когда у банка отобрали лицензию, подруга вернулась к себе домой в Новгород. Девушка сама не звонила, Леша пытался пару раз набрать номер ее мобильного, но тот оказался снят с обслуживания. Верещагин зачем-то решил поехать в Новгород по известному ему адресу. В квартире проживали немолодые супруги с двумя взрослыми сыновьями, и никто из них ни о какой зарегистрированной на их метрах девушке не слышал. Сообщили только, что приходили из полиции и тоже интересовались какой-то девушкой...

За пять лет не густо, а может, и немало. Какие-то из этих девушек нравились Алексею больше, какие-то меньше, кто-то совсем не нравился, как, например, риелторша, но любил он только одну – ту, которой не было рядом, которой он не мог даже позвонить. Леша вспоминал ее постоянно, даже в те моменты, когда прижимал к себе в лифте трепещущую банковскую служащую или целовал пахнущие «Бейлисом» губы, когда на программе варьете выискивал глазами в ряду русских красавиц, танцующих канкан, самую гибкую и смуглую, со съехавшим набок кокошником, не держащимся на копне густых жестких волос, когда на массажном столе целовал маленькие ладони, массирующие ему грудь... Он всегда любил только Регину, о которой боялся даже мечтать.

Утром Верещагин позвонил в офис «Симен-интернешнл», представился и сообщил, что именно на сегодня Эдуард Борисович назначил ему встречу.

Кокетливо мяукающий женский голос ответил, что генерального раньше полудня не будет, а потому можно к этому часу подъехать и подождать. Если у Сименко найдется время, то он примет посетителя сразу, а если нет, скажет, когда сможет принять. А вообще, сообщила мяукающая секретарша, Эдуард Борисович – очень занятой человек, у которого каждая минута расписана.

Алексей вошел в приемную за полчаса до двенадцати. Секретарша разговаривала по телефону, но, увидев его, быстро скомкала разговор.

– Я тебе потом позвоню, – промяукала она в трубку.

Потом немного приподнялась, чтобы рассмотреть вошедшего получше.

– Это я звонил сегодня, – напомнил Алексей.

– Да, да, да, – обрадовалась секретарша, – помню, конечно. По поводу растаможки партии кофе.

– Нет, – улыбнулся Верещагин как можно приветливее, – мне Эдуард Борисович назначил встречу по другому поводу...

– Конечно, – не смутилась девушка, – он только что приехал. Я сейчас доложу о вас. Как вас представить?

Леша замялся: говорить о себе, что он – тот, кто вчера вечером мыл машину генерального директора, а теперь рассчитывает на хорошее место в преуспевающей компании, не хотелось.

– Скажите, что пришел человек, которому вчера Эдуардом Борисовичем была предложена работа, – придумал он обтекаемую формулировку.

Девушка выскочила из-за стола и плавно двинулась к двери кабинета директора. Секретарша была высока и пышногруда. Короткая юбка не скрывала излишне полные ляжки. На всякий случай Верещагин отвернулся и посмотрел на большую старинную фотографию в узкой позолоченной рамке: «Титаник» выходит из порта в Саутгемптоне в свой первый и последний рейс.

На стене имелись фотографии поменьше: осевший на бок после попадания советской торпеды линкор «Тирпиц»; «Челюскин», зажатый льдами, парусник «Крузенштерн»; какой-то матросик, оседлав рею, размахивает бескозыркой; разрезающий волны глиссер; какой-то мужчина с новорожденным ребенком на руках... Неужели это Сименко в молодости? Если так, то кого он держит, Регину?

– Это наш генеральный на рее, – прозвучал за спиной голос вернувшейся в приемную секретарши. – Не правда ли, очень отважно вот так спокойно сидеть, находясь на невероятной высоте?

Девушка посмотрела на Алексея влажными глазами и вздохнула:

– Я бы так не смогла. Проходите, Эдуард Борисович ждет вас.

Верещагин подошел к плотно прикрытой двери, осторожно толкнул ее от себя, но войти постарался уверенно.

Кабинет был большим, со стеллажами и фотографиями на стенах. Сименко сидел за столом и, увидев Верещагина, даже не пошевелился.

– А, это ты, – произнес он, хотя по его взгляду было понятно, что Алексея узнал не сразу. – Кристинка ко мне заскочила и говорит, что пришел какой-то очень симпатичный молодой человек. А зачем мне симпатичные и молодые люди? Сам понимаешь...

Генеральный показал на стул перед своим столом.

– Хотя я вчера сам дочке сказал: смотри, какой парень видный, а на помойке трудится. Черные прохлаждаются, а бедняга вкалывает. А она отвечает, что этот парень с отличием окончил университет. И тогда я решил ему... то есть тебе, помочь. А вы что, с Регинкой знакомы?

– Да так, – пожал плечами Алексей, – виделись пару раз. Я бы и рад был познакомиться, но слишком большая конкуренция была.

– Это ты прав! – согласился счастливый отец. – За ней и сейчас такие люди приударить пытаются... Только дочка всем от ворот поворот дает. А ты что, конкуренции боишься?

– Нет, – покачал головой Верещагин, – просто тогда я четко обозначил приоритеты: сначала учеба, девушки потом.

– Ну и где ты оказался со своими приоритетами? – усмехнулся Сименко. – Если бы не я, до пенсии бы чужие машины мыл.

Эдуард Борисович внимательно оглядел Алексея.

– Костюмчик на тебе шикарный. Стопроцентный хлопок, такой у нас днем с огнем не найдешь. Где брал?

– В Милане, – соврал Верещагин.

– Оно и видно – достойная вещь.

Директор задумался и спросил:

– Ты по образованию кто?

– Магистр политологии.

– Это плохо, – с непритворным сожалением покачал головой Сименко, – мне политологи не нужны... Хотя у меня таможенным складом заведует бывший врач-психиатр... Языки какие-нибудь знаешь?

– Английский в пределах университетской программы.

– Английский все знают.

– Узбекским владею свободно, – вспомнил Верещагин.

И сразу подумал: как глупо это прозвучало! Где Узбекистан, а где море!

– Узбекский знаешь? – удивился Эдуард Борисович. – Не врешь?

– Зачем мне врать? Я несколько лет жил там.

Сименко выскочил из-за стола.

– Поразительно! – недоумевал мужчина. – Ты знаешь узбекский! Всегда был уверен, что не бывает случайных встреч. Тебя мне бог послал. У меня тут контракт намечается... Точнее, не намечается, но я очень хотел бы, чтобы он состоялся. Пойдем...

Эдуард Борисович показал рукой в угол кабинета, где журнальный стол окружали четыре кожаных кресла.

Верещагин сел в кресло, а Сименко вернулся к столу и нажал кнопку селекторной связи.

– Кристина, сварь-ка нам кофе и бутербродики сообрази. Коньяк? – Эдуард Борисович посмотрел на Алексея. – Или виски?

– Мне ничего. Во-первых, я не пью, а днем особенно, а во-вторых, я за рулем.

– Тогда и я не стану, – согласился Сименко. И обратился уже к секретарше: – Ты все слышала. Давай, тащи скорее, шевели своей роскошной задницей...

Сименко пододвинул свое кресло поближе к тому, в котором сидел Алексей.

– Какая у тебя, говоришь, машина?

– «Пассат».

– Неплохо для автомойщика. И сколько ты там получал?

– Если считать в долларах, то в среднем около трех тысяч в месяц получалось.

– Неплохо, – покачал головой Эдуард Борисович, – у меня люди поменьше имеют. А теперь к делу. Так вышло, что одна узбекская фирма, экспортирующая хлопок, ищет судоперевозчика на большой объем. Судходных компаний много, среди них есть весьма надежные. А у меня своих судов нет, мне надо фрахтовать у кого-то... Узбеки со мной и говорить бы не стали, но я пообещал им самые низкие цены... Полгода назад пообещал, а они только сейчас откликнулись. Позвонили и сообщили, что президент их фирмы на следующей неделе будет здесь, чтобы провести переговоры. Не со мной, разумеется, но ко мне тот президент все же согласился заскочить, чтобы сравнить... Все восточные люди хитрые, как... Ну, ты сам зна-

ешь. Мне они все равно не скажут правды, но если мне удастся зацепить их, то будущее моих внуков обеспечено... Ты понял?

– Конечно, – согласился Верещагин, хотя еще не понимал, что от него требуется сейчас.

– Короче, – кивнул Сименко, – я беру тебя на эти переговоры. Сейчас Кристина оттабанит приказ о твоём назначении моим заместителем по внешнеэкономической деятельности. Если поможешь мне с узбеками срастись, твой оклад будет сто пятьдесят тысяч рублей в месяц, а нет – будем смотреть, как тебя дальше использовать. Хотя, если честно, мне с трудом верится, что все получится... А ты не знаешь, чем их привлечь можно, кроме того, что предложить условия самые льготные?

– Люди и на Востоке разные бывают. Конечно, в общении с ними есть определенные тонкости. Например, если вы положите на пол в своём кабинете большой ковер, но не искусственный, то это уже настроит их в вашу пользу. Если на столе будет стоять восточный кувшин – тоже. Скажете, что не пьете, – хорошо. Прочитаете Омара Хайяма, Джамии или Хафиза – замечательно. Оброните мельком, что внук Тамерлана Улугбек был самым лучшим астрономом древности, – гости будут поражены вашими знаниями. У вас секретарша-блондинка в короткой юбке, но при этом скромная, послушная и очень исполнительная? Они поймут, что вы серьёзный человек. Все может сыграть на руку...

– Отлично! – вскричал Сименко. – Ты мне и был нужен! Значит, так: куплю ковер, выучу что-то из Омара Хайяма, Кристинку покрашу в белый цвет, а что касается коротких юбок, то все бабы у меня в офисе будут носить мини... Хотя на Анжелу Борисовну, нашего главбуха, короткая юбка и с мылом не налезет, к тому же ей пятьдесят восемь лет. Ну ладно, придумаем что-нибудь...

На мойку Алексей вернулся лишь для того, чтобы поставить дядю Колю в известность о своём увольнении. Тот не удивился, но отговорить попытался. Однако потом, поняв, что это бесполезно, сказал:

– Хорошо. Только знай. Ты всегда можешь вернуться.

Леша кивнул и даже обнял родственника, уверенный, что не вернется никогда.

Он пробыл на работе до вечера, а потом помчался домой, торопя время и мысли.

На следующий день, утром, Эдуард Борисович представил его всему коллективу, сказав, что господин Верещагин отныне второй человек в компании, а потому все его распоряжения и пожелания исполнять следует беспрекословно. Конечно, все это говорилось в основном для Алексея, чтобы тот проникся пониманием важности предстоящей встречи с представителями узбекской фирмы и постарался выжать из нее все, что возможно. А нужен был лишь контракт, и ничего более. Естественно, некоторые сотрудники удивились речам генерального директора, а заместитель Горбунов так и вовсе сидел с каменным лицом: вторым человеком в компании он считал именно себя, а теперь мог подумать, что дни его сочтены. Вероятно, Эдуард Борисович понял, что слегка увлекся, и строго посмотрел на секретаршу:

– К тебе, Кристина, мои слова в первую очередь относятся. Все, что тебе скажет Алексей Васильевич, выполняй мгновенно.

– А я-то что? – удивилась секретарша. – Я и так всегда готова.

Алексею выделили кабинет, принадлежавший до сего времени начальнику складских помещений, которому Сименко приказал перебраться на склад. Тот исполнил приказание очень быстро, забрал свои вещи и удалился, забыв в ящике стола бутылку виски. Решив, что это не случайно, Алексей отдал ее Кристине. После чего начал знакомиться с деятельностью «Симен & К° интернешнл» – просмотрел договоры с партнерами, на всякий случай проверил балансовые отчеты и последние банковские выписки. А засел за изучение узбекского языка. Занимался почти забытым языком и дома, для чего приобрел самоучитель и словарь. Очень скоро выяснил, что проблем в общении с возможными партнерами у него не должно быть.

Впрочем, особых трудностей не должно было быть и у самого Сименко – менеджер узбекской фирмы, который связывался с Эдуардом Борисовичем, прекрасно говорил по-русски, без всякого акцента.

Верещагин понимал: от него мало что зависит. Если узбеки откажутся заключать контракт, он не сможет их заставить это сделать. Сименко расстроится, обвинит, конечно, нового сотрудника и уволит его. А значит, о встрече с Региной нечего даже мечтать. То есть если они и столкнутся где-то ненароком, то Регина пройдет или проедет мимо, даже не повернув в его сторону головы. Этого очень не хотелось, а потому остаться в фирме отца девушки Алексей желал всей душой. Верещагин перезнакомился со всеми сотрудниками и каждому рассказал, что слова о втором человеке – не более чем шутка генерального, а сам же он ни на что не претендует, будет заниматься только тем, что связано с обеспечением внешнеэкономических контрактов.

Глава 5

Узбеки позвонили накануне вечером и сообщили, что утром прилетают. Сименко поинтересовался временем прибытия самолета, чтобы встретить будущих партнеров в аэропорту, а точнее, подъехать на машине к трапу, как встречают самых почетных гостей, но те ответили, что доберутся сами, пообещав к полудню быть в офисе. Эдуард Борисович явился в этот день к девяти утра и уже застал в офисе Верещагина. Сименко оглядел его темный костюм, новую обувь и кивнул:

– Надеюсь, это работает.

Судя по всему, он в последние дни думал только о контракте и боялся того, что подписание его по каким-то причинам может не состояться. Другими делами глава компании не занимался вовсе, во всяком случае, Алексей не видел, чтобы тот с кем-то встречался или что-то иное обсуждал по телефону. Такая сосредоточенность генерального на частном случае удивляла. Конечно, узбекский транзит может принести неплохую прибыль, но ведь жила же фирма как-то и без нее, и неплохо жила, если судить по шикарному офису. Кстати, свой кабинет Эдуард Борисович переоборудовал: на пол положили дорогой ковер, на стены повесили несколько древних арабских тарелок с геометрическим орнаментом, увеличенные копии фотографий столетней давности с видами улочек Бухары и Самарканда, две сабли, очень похожие на настоящие древние, и металлический щит с орнаментом арабской вязью. На журнальном столике теперь возвышался кальян, а на рабочем столе генерального стояли расписной глиняный кувшин и такая же чаша.

Алексей сидел вместе с ним возле кальяна и ждал. Начиная с одиннадцати Эдуард Борисович стал выгонять его на крыльцо, чтобы проверить, не подъехали ли будущие партнеры. Когда до полудня оставалась всего одна минута, Сименко поднялся, посмотрел на свое запястье, украшенное золотыми часами, потом достал мобильник и проверил время по нему.

– Запаздывают, – вздохнул он.

И тут же распахнулась дверь, в кабинет ворвалась Кристина:

– Приехали!!! – истошным шепотом прохрипела она.

– На место, быстро! – почему-то таким же шепотом приказал ей Эдуард Борисович.

И начал поправлять узел галстука, который не хотел лежать ровно. Чтобы не мучиться, Сименко затянул узел потуже и взмахом руки приказал Алексею встретить гостей в приемной.

Открылись входные двери, и на пороге возник человек огромного роста. На мгновение Алексей подумал, что это и есть бизнесмен Бачиев, который хочет поставлять в Европу хлопок. Но следом за гигантом неторопливо вошел смуглый человек лет пятидесяти пяти или шестидесяти в неприметном черном костюме. За ним нес кейс человек немногим моложе. А завершал шествие еще один двухметровый узбек. Только теперь Верещагин понял, что два великана – это телохранители. Кристина, выскочившая из-за своей стойки, смотрела на здоровенных парней как завороченная, и даже не успела поприветствовать вошедших. Ее оплошность исправил Алексей.

– Добрый день, – улыбнулся он гостям. – Как долетели?

– Быстро, – ответил человек, державший кейс.

Открылась дверь кабинета, и появился Сименко с листом бумаги в руке.

– Кристина! – деловым голос позвал он.

– Слушаю вас, господин Сименко, – откликнулась секретарша, сгибаясь в почтительном поклоне.

Эдуард Борисович словно только сейчас заметил вошедших, несмотря на размеры некоторых из них.

– Здравствуйте, – обрадовался он. – Простите – дела, дела, за временем не уследить даже... Проходите. Давно ждем.

Человек с кейсом пропустил вперед своего спутника, потом хозяина кабинета, после чего вошел сам. Верещагин проскочил последним.

Вошедший представился первым, протянув руку Эдуарду Борисовичу:

– Бачиев.

Потом показал на своего спутника.

– Это Али. Он – генеральный директор моей фирмы.

Сименко пожал руку обоим и, перед тем как направиться к рабочему столу, показал на кресла возле журнального столика.

– Располагайтесь. А я пока распоряжусь, чтобы нам принесли чай или кофе.

– Нас кормили в самолете, – произнес Али и посмотрел на скрещенные на стене сабли.

Эдуард Борисович что-то искал на своем столе, но, увидев, что гости рассматривают кабинет, объяснил:

– В такой обстановке мне легче отвлечься от суеты и потому удается поразмыслить о вечном. Смотрю на эти прекрасные вещи, понимая, что они сделаны из глины, и на ум приходят слова величайшего из всех мудрецов, несравненного Омара Хайяма.

Сименко поднял кувшин и продекламировал с чувством:

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным визирем в былые века,
Эта чаша, которую держит рука,
Грудь красавицы или щека.

Затем он вернул кувшин на место и направился к гостям. Верещагин остался стоять в стороне, хотя четвертое свободное кресло имелось. Но раз гости не обращают на него никакого внимания, то и навязываться особенно не стоит. Однако уходить он тоже не собирался.

– В порядке ознакомления, – начал Сименко, – я хотел бы рассказать о нашей фирме, чтобы вы знали, с кем придется сотрудничать.

– Не надо, – улыбнулся Али, – мы уже навели справки и знаем о вашей фирме и о вас больше, чем вы сами. Зашли просто посмотреть, потому что нельзя отвергать ни одно предложение, которое посылает нам... – Гость вдруг поднял голову и, внимательно посмотрев на Верещагина, закончил фразу: – ...судьба.

Только сейчас Сименко заметил, что Леша продолжает стоять, и махнул ему рукой.

– Что ты там застрял? Присаживайся к нам.

А гостям объяснил:

– Это мой заместитель, его зовут Алексей.

– А вот про него мы совсем ничего не знаем, – усмехнулся Бачиев, пристально наблюдая за тем, как Верещагин подходит и опускается в кресло.

– Давайте поговорим о деле, – предложил Эдуард Борисович.

– Мы прилетели не говорить, а смотреть, – произнес Бачиев, продолжая оглядывать кабинет. – Интересно у вас здесь... Ведь каждая вещь может сказать о своем хозяине много: кто он такой и сколько времени ею владеет, добрый он человек или завистливый, богатый или желает казаться таким, деловой он человек или пустой, умный или хочет выглядеть умным, долгую жизнь проживет или короткую. Вы согласны со мной?

Сименко кивнул, задумался и опять с чувством продекламировал:

Не завидуй тому, кто силен и богат.
За рассветом всегда наступает закат.

С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как данной тебе напрокат.

Эдуард Борисович вздохнул и посмотрел на Бачиева:

– Я согласен с Омаром Хайяма.

– Не надо прибедняться, – без улыбки заметил тот, – вы очень богатый человек.

– Я? – усмехнулся Сименко. – Да кто в наше время может считать себя богатым человеком?

– Теперь, – кивнул Бачиев, – почти никто. Или только тот, у кого есть самое большое богатство. А самое дорогое сейчас это время: тот действительно богат, кто может тратить его на поэзию и философию. Вот у меня нет времени даже на сон – все кручусь, кручусь. Вокруг цветы пахнут, птицы поют, а я не замечаю их – не знаю даже, весна сейчас или осень. Даже этот разговор пустой, если он не принесет результатов.

– Будем стараться, чтобы... – начал Сименко.

Но Бачиев уже не смотрел на него. Он потрогал кальян и произнес:

– Теперь о деле.

И тут же начал говорить Али:

– Мы собираемся продавать наш хлопок в Европе...

И тоже потрогал кальян.

Эдуард Борисович решил воспользоваться паузой и сказал:

– Это понятно. А каков объем подписанных вами контрактов?

Оба гостя промолчали, словно не расслышали. Но Али посмотрел на Алексея.

– Что вы знаете о хлопке?

– Ничего, – признался Алексей, – только то, что хлопок хлопку рознь. Но считается, что узбекский хорошего качества. Цены на хлопок крайне неустойчивы – могут в течение пары недель взлететь до двух долларов за фунт, а потом упасть почти до одного. Основным мировым экспортером являются Соединенные Штаты, а основным потребителем – Китайская Народная Республика, которая аккумулирует мировые запасы. Узбекистан поставляет свой хлопок в Китай, но Китай платит за него не много. Но если вы собираетесь что-то везти в Европу, значит, вам удалось каким-то образом обойти европейскую конвенцию, запрещающую приобретать среднеазиатский хлопок из-за использования на плантациях детского труда. В противном случае ни один порт в Европе не примет судно с хлопком под разгрузку или для транзитной перевалки. Крупные судоходные и страховые компании не станут связываться с подобными контрактами, потому что процент риска очень высок.

– Сейчас почти никакого, – произнес Али.

– Но риск все-таки существует, – включился в разговор Эдуард Борисович.

Али посмотрел на Бачиева, а тот улыбнулся и произнес:

– Это не кальян. Это то, что продают в Турции дуракам.

После чего поднялся и кивнул своему спутнику:

– Кетяпмиз бу ердан!

Али быстро вскочил, и оба они, не прощаясь, направились к двери кабинета. Али взялся за ручку двери.

– Я что-то не понял... – удивился Эдуард Борисович. – Мы же еще не ничего не обсудили. И мы вам не сообщили наши условия.

– Не надо ничего сообщать, – улыбнулся Али, открывая дверь перед Бачиевым, – мы не будем иметь с вами никаких дел. Поищем надежных и серьезных перевозчиков – у нас уже есть отличные предложения.

Оба узбека вышли. Сименко посмотрел на Алексея. Лицо Эдуарда Борисовича было багровым.

– Что этот гад сказал? – прошептал он, едва сдерживаясь, вероятно, чтобы не выругаться.
– Он только сказал: «Уходим отсюда!» – тихо ответил Верещагин и бросился из кабинета.

Гостей он догнал у самого выхода из здания. Подбежал, но не стал становиться у них на пути. Наоборот, даже приоткрыл дверь перед ними.

– Простите, – произнес он по-узбекски, – но договор этот буду вести я, а не наш генеральный. Вас смущают небольшие обороты нашей компании? Зато мы никогда не разеваем рты на чужой плов, а потому у нас нет врагов.

– А если они вдруг появятся? – спокойно ответил Бачиев, выходя на крыльцо. – Что, если кто-то, узнав о том, что вам удалось с нами договориться, решит испортить ваш бизнес?

– Сейчас, а тем более в дальнейшем это невозможно, потому что порт уже поделен между компаниями, и никто ни у кого не будет отнимать причальные стенки. У нас, может быть, нет своих судов, но мы можем зафрахтовать любой корабль по цене, которую вам никогда не предложат. Даже с учетом нашей прибыли контракт с нами окажется намного дешевле условий, предложенных вам судоходными компаниями: они крупные, и доходы у них должны быть крупными, а наша фирма довольна тем, что посылает Аллах.

– Ты мусульманин? – удивился Бачиев.

– Я верю в Бога, – ответил Алексей, – а Коран тоже послан Богом.

– Ты хорошо говоришь по-узбекски.

Бачиев посмотрел на свой автомобиль, на двух телохранителей, поджидавших его у крыльца, и повернулся.

– Пойдем! – вдруг сказал он. – Я, пожалуй, буду иметь с тобой дело.

Они вернулись в кабинет генерального, застали того с устремленным к потолку подбородком и с поднятой вверх рукой, сжимающей галстук, словно именно в этот момент Сименко собирался повеситься. На самом деле он всего-навсего пытался стянуть через голову душивший его галстук.

Оба гостя опустили в кресла, и Бачиев произнес, показав на Алексея:

– Мы не будем иметь с тобой дело. Мы будем вести все наши дела с этим молодым человеком, а он уж пускай сам выбирает: подставить для контракта вашу фирму или открыть собственную.

Еще до конца рабочего дня контракт был подписан. Эдуард Борисович предложил отметить это событие в ресторане. Но Али, посмотрев на часы, ответил, что они поужинают в самолете.

– Так у вас обратные билеты на сегодняшний рейс? – удивился Сименко.

– У нас чартер в аэропорту стоит. Своих самолетов пока не имеем, так что приходится брать в аренду. Да и вообще содержание самолета – очень дорогое удовольствие.

Гостей проводили до крыльца. Сименко обнял и похлопал по спине Бачиева и Али. Потом махал рукой вслед отъехавшим автомобилям. Но его буквально распирало от счастья. Распирало так, что, едва вступив на ступени крыльца, он крикнул громко:

– Йес!

Потом, войдя в офис, повторил:

– Йес! – И добавил: – Мы их сделали!

Хлопали двери кабинетов, к приемной спешили сотрудники и сотрудницы в коротких юбках. Все понимали: свершилось нечто значительное и важное для всех.

– Ну как? – спросила Кристина.

– Все подписано! – объявил Сименко. Затем показал на Алексея: – И подписано только благодаря этому замечательному парню. Сегодня он – номер один!

Эдуард Борисович схватил Верещагина за запястье и поднял его руку вверх, как делает рефер на ринге, объявляя победителя упорного боя.

Все начали аплодировать, а Кристина даже крикнула: «Ура!»

Сименко не мог успокоиться, даже когда вернулись в его кабинет.

– Все! Все! Наконец-то большое дело! Спасибо тебе! Проси у меня что хочешь. Оклад, разумеется, я тебе увеличу. «Мерс» мой забирай прямо сейчас. Дарю!

Тут Эдуард Борисович задумался и негромко произнес:

– Лучше я тебя со своей семьей познакомлю.

И быстрым шагом направился к выходу, добавив:

– Сгоняю-ка я в аэропорт и провожу их до трапа. А ты дожидайся меня.

Оставшись один, Алексей посмотрел на кувшин, на вазу, на листки с расчетами, разбросанные по столу Сименко. Потом сел в кресло генерального: сегодня он мог себе позволить такую наглость – контракт с узбекской фирмой подписал именно он, а не Эдуард Борисович. Но, если честно, Верещагин ни на что не претендовал: ни на высокий оклад, ни на должность, ни на роскошный автомобиль. Ему хотелось только одного – оказаться в кругу общения своей любимой. А там уж придется рассчитывать только на свои силы.

Находиться в одиночестве в чужом кабинете долго показалось неудобным – как бы кто из сотрудников не упрекнул его в завышенных амбициях, и Алексей вышел в приемную. А офис гудел, как потревоженный улей, и гул этот был радостным. Секретарша при появлении Леша резко поднялась – очень стремительно, чего обычно не делала даже при появлении Сименко. Когда входил Эдуард Борисович, она поднималась медленно и томно, выгибала спину, а могла и вообще не встать, если занималась чем-то важным, требующим внимания и сосредоточенности, – например, раскладыванием пасьянса «паук».

– Вы чего-нибудь хотите, Алексей Васильевич? – промяукала девушка, показывая глазами, что готова исполнить любую, даже самую невероятную просьбу.

Он покачал головой и направился в свой кабинет. Верещагин понимал, что сегодня произошло, – за этот день, за несколько наполненных разговорами часов фирма, которую Леша представлял, заключила договор, сулящий получение до конца года прибыли в полсотни миллионов долларов. Сименко накануне разоткровенничался и мечтал только о десяти, но объем поставок оказался настолько огромным, что поначалу Эдуард Борисович подумал, что ослышался:

– Как вы сказали? – переспросил он Али. – Сто тысяч тонн хлопка?

– Я сказал: не менее ста тысяч, – уточнил помощник Бачиева без проявления на лице каких-либо эмоций.

– Так это сколько полных железнодорожных маршрутов мы должны принять?

– Железная дорога – не ваша головная боль, – заметил Бачиев, – все, что касается доставки товара до вашей причальной стенки, сделают наши люди. Вы, наверное, не понимаете до конца, что такое хлопок. У нас, даже для того, чтобы одну машину с ним куда-то отправить, надо посылать с ней другую с автоматчиками. А наши поезда пойдут и через Казахстан, и через Россию. Пять тысяч километров – путь не близкий.

Глава 6

Алексей ждал возвращения Сименко, слыша, как взбудораженные сотрудники покидают свои кабинеты, как они мечутся по офису и радуются. Потом дверь приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Кристины.

– Вы остаетесь? – поинтересовалась она.

Верещагин кивнул. Потом наступила тишина – в офисе стало так тихо, что даже через несколько стен в кабинет проникали звуки работающего в каморке охранника телевизора. Сименко не звонил. Потом вдалеке хлопнула входная дверь, и вскоре по коридору процокали быстрые каблучки-шпильки. Их перестук прекратился возле его кабинета. «Кто это?» – подумал Алексей. Створка отворилась, и внутрь заглянула... заглянула и тут же вошла Регина.

– Привет, – произнес Алексей, изо всех сил стараясь казаться спокойным, – давно не виделись. Если ты к отцу, то его нет.

– Я к тебе, – ответила девушка, подошла, обняла его за шею и поцеловала. – Поехали к нам. Отец уже дома. Он так вымотался, что не может даже говорить... Сказал только, чтобы я за тобой сгоняла.

Вдвоем вышли из кабинета. Охранник высунулся из своего окошка и внимательно разглядывал прекрасную блондинку.

– Эдуард Борисович мог позвонить, я бы и сам к вам добрался, – заметил Алексей, открывая входную дверь и пропуская вперед Регину. – Зачем было тебя беспокоить?

– Мне не в тягость. К тому же отец на радостях в баре аэропорта хватанул виски. Дома сразу в душ отправился, чтобы прийти в норму, а мне приказал за тобой...

Они вышли на улицу. Верещагин хотел подойти к своему автомобилю, но Регина потянула его за рукав в другую сторону.

– Поедем на моей. А если ты не любишь, чтобы тебя возили девушки, сам можешь сесть за руль.

Регина протянула ему ключи и показала на «Ауди»-кабриолет.

– Давай!

Оказывается, она все знала про контракт – отец уже долгое время не мог говорить дома ни о чем другом, кроме как о договоре с узбеками. И даже в тот день, когда они с ним заехали на мойку дяди Коли, чтобы помыть машину, Эдуард Борисович уже в сотый раз говорил дочери, как важен этот контракт, и он не знает, что случится с ним, если все вдруг сорвется.

– Неужели дела у фирмы так плохи? – удивился Алексей. – Мне так не показалось.

– Дела у фирмы лучше некуда, а теперь будут совсем замечательные. Просто отца иногда клонит на какой-нибудь теме...

Регина посмотрела на него и вдруг начала улыбаться.

– Что такое? – спросил Леша.

– Ничего.

Она тряхнула головой, продолжая улыбаться, и тут же отвернулась, словно пытаясь спрятать свою улыбку.

– Ты очень изменился, – сказала наконец Регина. И повторила с некоторым недоверием: – Очень! Совсем теперь другой человек. Раньше ты был... не мальчик, конечно, но сейчас – просто как с обложки модного журнала. Если бы я раньше могла представить тебя таким! Разве бы... – Она махнула рукой. – Да чего сейчас об этом!

– Я знал, что мы рано или поздно увидимся.

– А почему ты не приходил и не звонил? Я ждала.

– Мне показалось...

Алексей посмотрел на нее и не стал напоминать, что она сама просила не искать с ней встреч. А потом, через три месяца, когда увидела его в университете, прошла мимо, словно возле факультетского расписания стоял человек-невидимка.

– Ладно, проехали, – буркнул Верещагин.

Теперь он следил за дорогой. Чувствовал на себе ее взгляды, иногда оборачивался, а Регина словно ждала этого и сразу начинала улыбаться. Встречный ветер бил в лицо, трепал ее волосы, и ей приходилось придерживать их. Все это восхищало Алексея, который думал о том, как все изменилось в один момент: его любимая сидит рядом, а совсем недавно он даже не мечтал, что будет вот так, что можно просто оторвать от руля руку и положить ее на плечо девушки. Сейчас – можно. Но он не сделает ничего подобного, чтобы не спугнуть птицу удачи. Сейчас эта птичка сидит рядом – немного капризная и в меру пугливая, как любая удача, прекрасная и желанная. Она притягивает, околдовывает, как будто сама идет в руки, но... может вспорхнуть крыльями и улететь. Да, может. Только теперь Алексей хорошо знал ее повадки и не торопил события.

Верещагин вел машину, полагая, что направляются в ту квартиру, где уже были однажды. Но тут Регина назвала другой адрес, пояснив, что ее семья постоянно живет в загородном доме, а квартира пустует.

Услышав слова о пустующей квартире, Алексей понял, что это не случайная фраза.

Посмотрел на девушку внимательно и кивнул. А Регина не просто улыбнулась в ответ – она рассмеялась. А затем принялась рассказывать:

– Отец целую неделю ходил по дому, разучивал и повторял стихи Омара Хайяма. А вчера вдруг спросил: «Кто такой Бекбулат?» А поскольку я не поняла, повторил: «Ну, Бекбулат, внук Темирхана».

– Улугбек, внук Тамерлана, – поправил Алексей.

– Да-да, потом уж мы с мамой это выяснили. Пришлось шарить по Интернету, чтобы найти то, не зная, что...

Дом стоял в десяти километрах от Кольцевой, окруженный кирпичным забором, среди высоких елей на высоком берегу озера. Рядом стояли такие же прекрасные коттеджи, в которых жили удачливые и счастливые люди. Автомобиль проехал между раздвинувшихся створок ворот, Алексей увидел выложенное брусчаткой место для стоянки, почти не снижая скорости, развернулся и припарковал машину. Поставил ее так, чтобы удобнее было выезжать с территории.

– Лихо! – оценила подошедшая к «Ауди» молодая женщина.

Она была светловолоса и стройна. И чем-то напоминала Регину. Вернее, Регина напоминала ее, потому что женщина оказалась ее матерью.

– Привет, Гиночка, – произнесла она, наклоняясь и целуя дочь.

Потом посмотрела на выходящего из автомобиля Лешу и почти естественно, а может, и в самом деле искренне восхитилась:

– Какой у тебя кавалер сегодня!

Последнее слово немного резануло слух Алексея, но Верещагин решил не придавать ему никакого значения. Все может быть, и вполне возможно, что Регина уже когда-то приезжала сюда с кем-то, но ведь она никогда ничего ему и не обещала.

– Простите, – произнес Алексей, – все так неожиданно, что я не успел даже...

И не успел закончить фразу, потому что Регина достала из багажника огромный букет белых лилий и протянула матери:

– Это тебе от нас.

– Спасибо, – ответила та и снова внимательно посмотрела на Алексея. – Меня зовут Бронислава Витальевна. Но попрошу без отчества. А лучше обращайтесь ко мне, как и все близкие люди, – зовите просто Славой.

– Не перепутай! – улыбнулась Регина. – А то назовешь Броней – станешь врагом на всю жизнь.

– Не перепутаю, – пообещал Алексей, сердце которого сдавило от радости: Регина сказала «на всю жизнь». Неужели...

Из дома вышел Эдуард Борисович, оказавшийся вопреки ожиданиям абсолютно трезвым. Он обнял Лешу и развернул его, словно желая еще раз продемонстрировать жене и дочери:

– Цените! Вот такой парень!

А потом спросил у него:

– Как тебе моя дочь? Вы уже успели познакомиться и поговорить или ехали молча?

– Ты такой наивный, папа... – рассмеялась Регина, шагнув к Алексею и обнимая его за шею. – Мы уже пять лет любим друг друга.

Она быстро поцеловала Лешу и отстранилась, но руки с его шеи не убрала.

– Это правда? – не поверил Сименко.

– Правда, – серьезно ответил Верещагин. – Я уже пять лет люблю вашу дочь.

– О как! – хлопнул в ладони Эдуард Борисович. – А чего стоим тогда? Прошу всех к столу!

Глава 7

Как изменилась жизнь! Еще совсем недавно он мыл чужие машины – не всегда, конечно, собственными руками, хотя и самому приходилось, – он был доволен всем, даже порой работой, потому что не бедствовал. Для счастливой жизни не хватало лишь малости – именно счастья. А точнее – Регины. Многие считают, что отсутствие горя уже счастье. Но как тогда назвать радость, переполняющую теперь все его существо, не дающую дышать спокойно и размеренно, заставляющую звонче и сильнее биться сердце? Ему не хватало воздуха, чтобы надышаться, не хватало слов, чтобы описать то, что распирало его изнутри, хотелось бежать куда-то и кричать от охватившего его чувства. Но Алексей лежал тихо и дышать старался беззвучно, чтобы не разбудить прижимающуюся к нему Регину. Он думал о том, что будет завтра, что будет через два дня, через неделю, месяц, через годы. Если он каждую ночь вот так же будет лежать, ловя ее дыхание, то ничего иного уже не нужно от жизни.

Ужин был долгим и веселым. Быстро стемнело, за лапами елей блестела зеркальная поверхность засыпающего озера, отражавшего лунный свет и зеленые горошины звезд, где-то жалобно жужжал одуревший от одиночества осенний комар, над цветочными клумбами поднимался запах петуний и едва различимая полоска рождающегося тумана. Регина сидела за столом рядом с Алексеем, обнимая его и прижимаясь. Не смущаясь присутствия родителей, она время от времени целовала его и повторяла: «Я тебя люблю!», словно пыталась убедить в этом не отца с матерью, не Лешу, а себя саму.

А потом она поднялась и протянула руку Верещагину. Тут поднялся тоже, и тогда Регина кивнула родителям:

– Вы оставайтесь, а мы пойдем спать.

Сименко с женой переглянулись коротко, но промолчали.

И только когда дочь с Алексеем уже вышли из беседки, Бронислава Витальевна бросила им вслед:

– Спокойной ночи.

Все получилось естественно и просто, словно так и должно было быть. Словно это предопределено было когда-то, очень давно, вполне вероятно, еще до рождения Алексея и Регины. И та первая встреча возле факультета, и вторая на борту плавучего ресторана, и первая их давнишняя ночь, и сегодняшний день, и завтрашнее утро, и вся последующая жизнь – были вписаны кем-то в книгу судеб. Может быть, и конец кому-то известен, но думать об этом сейчас не хотелось – сейчас, когда Лешкино плечо ловило тихое дыхание любви.

– Как хорошо! – прошептала Регина. – Как хорошо, что ты есть.

Она приподнялась над подушкой и поцеловала его в щеку.

– Я сейчас подумала, что могло бы произойти, если бы мы с папой не заехали тогда на мойку.

– А, кстати, с чего вдруг решили? – спросил Леша. – Ведь машина была абсолютно чистой.

– А ты его спроси! Мы ехали, а он вдруг говорит: «Надо бы колесо подкачать». А тут как раз станция техобслуживания. Завернули и увидели мойку, папа заметил, что ворота бокса открыты, и зарулил туда. Когда ты подошел, я, если честно, сразу тебя и не узнала... То есть узнала, но не поверила, что это ты... Я в последнее время часто вспоминала тебя, жалела, что у нас ничего не вышло... Но вспоминала таким, каким помнила: высокий, худенький, скромный мальчик. А тут подходит к машине такой... Реальный, одним словом. Сначала я удивилась: неужели такой парень моет машины? А потом глазам не поверила – ты! Решила, что обозналась, уж совсем другой человек. Но ты двигался, как раньше, и взгляд тот же. А тут еще отец говорит: наверняка розыгрыш какой-то, подобные парни для рекламы снимаются, а не машины

моют. И тогда я поняла: это на самом деле ты. И так стало обидно! Потому что подумала: у тебя наверняка кто-то уже есть... Может быть, ты даже женат. А вдруг у вас еще и дети? Чуть не разревелась. А ты... Ты даже не посмотрел на меня!

Регина села в постели и схватила его за горло:

– Так бы и задушила, чтобы никому больше не доставался!

– Успокойся, я и сам не хочу никому, кроме тебя, доставаться.

– То-то, – согласилась она.

Легла рядом, обнимая его.

А через несколько секунд произнесла удивленно:

– Я что-то не поняла, мы так и будем лежать?

Утром долго не вылезали из постели, а потому к завтраку вышли поздно, но Эдуард Борисович с женой дожидались их за столом. Родители просто сидели, молчали, наблюдая, как дочь с Алексеем завтракают.

И все же Сименко не выдержал:

– Что думаете дальше делать?

– А ничего не думаем, – ответила Регина. – Сейчас поедим и отправимся подавать заявление.

– Да, – согласился Верещагин с некоторым опозданием, – сразу после завтрака и отправимся.

Эдуард Борисович быстро поднялся и сжал руки в кулаки.

– Так что же вы молчите, ироды!

Он подошел и поцеловал дочь, потом и Алексея.

– Вот за это спасибо.

Затем перекрестился и неожиданно добавил:

– Слава Аллаху, как говорится.

Бронислава Витальевна тоже дважды очень нежно прикоснулась губами к щекам Алексея и шепнула ему в ухо:

– Я очень рада за вас.

И погладила его по спине.

В ожидании свадьбы жили в городской квартире. Разумеется, одни. Своим родителям Алексей объявил о своей женитьбе вечером того же дня, когда было подано заявление. Заехал домой один, потому что Регина отказалась идти с ним, сказав, что познакомится с его папой и мамой в другой раз, ведь ей надо специально подготовиться к столь важной встрече.

Леша сунул ноги в тапочки, прошел в комнату, где перед телевизором расположился отец. На экране гоняли мяч футболисты. Мать сидела рядом с отцом, делая вид, что ей интересно за ними наблюдать.

– Какие новости? – поинтересовался Алексей.

– Две, как и положено, – ответил отец. – Первая – плохая: наши проигрывают. А вторая – хорошая: они все равно останутся на первом месте. А что у тебя?

– У меня тоже две и обе хорошие: вчера подписали крупный контракт, а сегодня я подал заявление на регистрацию брака.

– Такого не бывает, – не поверил отец, – одна новость должна быть плохой.

– На какую регистрацию? – переспросила мама.

– Наш сын собрался жениться, – спокойно ответил отец, огорченно взмахнув руками. –

Ну вот, нам еще один гол закатили!

Он взял пульт и отключил телевизор.

– А теперь поподробнее, пожалуйста. А то некоторые тут не совсем поняли, кто женится и на ком... И вообще, прежде чем подавать заявление, надо попросить согласия родителей...

– С невестой познакомить, – подсказала мама.

– Устроить смотрины...

– Я тебе как-то показывал ее фотографии, – напомнил отцу Алексей, – лет пять назад.

– Не помню, – покачал головой отец. – И потом, на снимках одно, а в жизни совсем другое. Вот у нас в полку был капитан Лысых, так он на всех групповых фотографиях едва ли не самый высокий. А ведь специально во второй ряд вставал и там на подставочку какую-нибудь. В жизни же рост у него метр с кепкой.

– Лысых был пьяница, – напомнила мама.

– Кто пьяница? Лысых? Ошибаешься, родная, Лысых пьяницей не был. Вот за бабами бегал, это точно. Правда, каждый раз неудачно.

Знакомиться с Региной и ее родителями поехали через два дня. Мама заставила отца надеть полковничью форму со всеми регалиями: три советских ордена, два афганских и два российских. Тот пытался сопротивляться, но спорить с женой не умел. Зато на Сименко его вид произвел ошеломляющее впечатление.

– Это все ваше? – негромко спросил бизнесмен.

– Не, – таким же шепотом ответил Верещагин-старший, – это все моей жены: я у нее поносить выпросил.

До этого случился курьез: когда въехали во двор, мама Алексея, увидев сходящую с крыльца Брониславу Витальевну, вздохнула:

– Красивая, конечно, но ей уже за тридцать. Ты бы, Лешенька, возрастом прежде поинтересовался. Хотя, если любишь...

Она очень расстроилась. А когда увидела Регину, следовавшую за матерью, начала смеяться, чем удивила хозяев дома. Алексею пришлось им объяснить, что его мама приняла Славу за невесту. Будущая теща откликнулась шуткой:

– Значит, у меня все еще впереди.

Смотрины затянулись на два дня: комнат для гостей в особняке Сименко было достаточно.

До свадьбы Леша с Региной съездили на две недели в Венецию, а сама свадьба состоялась в дождливый ноябрьский день.

Как раз накануне в Европу ушел последний двенадцатитысячник с узбекским хлопком. Свадебного путешествия не было, хотя Алексей и Регина планировали вылететь в Майами, чтобы уже оттуда отправиться в карибский круиз на самом комфортабельном в мире лайнере. Но поездку пришлось отменить: первое семейное утро молодых началось со звонка Брониславы Витальевны, которая сообщила, что ночью ее мужа Сименко увезли в больницу с обширным инфарктом.

Глава 8

Ковра в кабинете генерального уже не было, как не было и фотографий Бухары и Самарканда, скрепленных восточных сабель, кальяна, кувшина, вазы. Все это Алексей отвез в загородный дом Сименко. Теперь он руководил фирмой, сидел за рабочим столом Эдуарда Борисовича и хотел, чтобы ничто не отвлекало взгляд. Возвращаясь с работы, по дороге домой Верещагин заезжал в больницу к тестю. О делах не говорил, а порой и вовсе заставлял больного спать. Но и в таких случаях не уходил, садился возле его кровати и размышлял. А мысли его были не самыми приятными.

Через день после того, как Алексей принял на себя руководство фирмой, к нему в кабинет вошли двое. Причем появились посетители неожиданно: не было ни звонка, ни предупреждения Кристины. Просто открылась дверь, и порог переступили два незнакомых человека в дорожных костюмах и с помятыми лицами.

Не поздоровавшись, они сразу опустили в кресла, и один из них спросил:

– Ты, что ли, теперь здесь директор?

– Временно исполняю обязанности, – уточнил Верещагин.

– Без разницы, что ты тут исполняешь. Мы хотим с Симы должок получить, а кто заплатит, он или ты, нам по барабану.

Верещагин хотел переспросить, с какого Симы и за что, но в последний момент догадался, что речь идет о Сименко.

– Сколько Эдуард Борисович вам должен?

– Хочешь за него рассчитаться?

– Назовите сумму...

Только сейчас Верещагин понял, что сумма может оказаться значительной, поэтому добавил:

– И я хотел бы посмотреть документы, подтверждающие тот факт, что он брал у вас займы.

– Документы будут, только Сима нам должен не две копейки, а все.

– Все – это сколько?

Один из незнакомцев поднял глаза к потолку, а потом обвел взглядом помещение.

– Все, что у него есть. Фирмочка эта, его квартира, дом, жена, дочка – все наше теперь...

– Я еще раз прошу озвучить сумму.

– Ты че, тупой! – закричал второй визитер. – Все – это значит все!

Верещагин сделал паузу и спокойным голосом продолжил:

– А теперь объясняю для самых умных, что «все» тоже имеет свою цену. Я не против того, чтобы вы забрали у Сименко все. Дом, машину, квартиру, фирму... Но после реализации имущества, принадлежащего Сименко, выручка составит миллиона два-три долларов. Вас эта сумма, судя по всему, устраивает? Поэтому я тупо интересовался, сколько вам надо. Но поскольку вы уже определились с суммой претензий, то теперь задаю еще один вопрос – когда и в каком виде хотите получить означенную мною и не опротестованную вами сумму? Что же касается жены и дочки, то Эдуард Борисович вряд ли сможет ими распорядиться, потому что деньги можно получить по расписке, а человека – вряд ли. К тому же мое личное знакомство с УК РФ позволяет сделать вывод: за торговлю людьми в нашем царстве-государстве дают очень много. К тому же дочь Сименко теперь моя жена, а потому зачем вам новые проблемы...

Оба гостя переглянулись и начали рассматривать Алексея.

– Что-то я гляжу, рожа у тебя знакомая, – произнес один. – Мы с тобой в две тыщи третьем в «Крестах» не пересекались?

– Вряд ли, – пожал плечами Верещагин, – если бы мы где-то встречались я бы вас запомнил. Только это все лирика. Давайте о деле...

Долго разговор не продлился. Верещагину показали папку с документами и даже позволили полистать договоры с никому не известными обществами с ограниченной ответственностью на оказание мелких услуг, за которые Сименко обязался выплачивать весьма крупные суммы, а в случае просрочки платежей должен был внести высокие проценты. Что-то Эдуард Борисович по этим договорам платил, потому что присутствовали акты сверки и корешки приходных ордеров...

Верещагин сгрэб все документы и отдал в бухгалтерию пересчитать и обозначить существующую на текущий день сумму задолженности. Когда ему принесли листок с расчетами, Алексей положил его перед визитерами, и те, взглянув на итоговую сумму, удивились. Но не особо: вероятно, до этого кто-то другой уже все подсчитал за них.

– Тут и трех лямов нет! – возмутился один.

– Отдадим именно столько, – предложил Алексей. – А если хотите большего, то тогда обращайтесь в арбитраж.

– Мы с Симы и без арбитража получим.

– Сименко сейчас в больнице с обширным инфарктом. Может, выживет, а скорее всего, нет. И тогда вообще никто ничего не заплатит.

– Мы причал вам переуступили, а это знаешь, сколько стоит?

Сошлись на десятки миллионах. Пять Верещагин обещал отдать до Нового года, а пять в январе, чтобы не привлекать внимание налоговых органов к исчезновению со счетов крупных сумм.

Вечером он, как обычно, заехал к тестю. Посмотрел на спящего больного и помчался домой. Регина ждала его с ужином, доставленным из японского ресторана: суши, роллы, васаби и соевый соус. Алексей ел молча, размышляя о том, что неплохо бы перейти на другое питание, более привычное русскому человеку, но как сказать о своем желании жене, чтобы ее не обидеть, не знал. А потому начал издали – вскользь заикнулся, что у Эдуарда Борисовича долги.

Но Регина только пожалала плечами и сказала, что это известно всем. Дом, автомобили – «Мерседес» и кабриолет Регины – куплены в кредит, из банка постоянно звонят и что-то требуют. Она не удивилась и не переживала особо, словно известие к ней никакого отношения не имело, если вообще как-то не касалось. Объяснила очень спокойно:

– Отец говорил, что рабочие и финансовые расчеты это его проблемы, и скоро он рассчитается с долгами. И потом, зачем нам с мамой лезть в его дела? Вот выйдет он из больницы и все решит.

– Вы не должны никуда лезть, – согласился Верещагин, – только не нужно ничего ждать. Я все сделаю.

– Ну и ладно, – кивнула Регина. И вздохнула: – Надо было роллы с икрой взять, а не с лососем – что-то я промахнулась.

Алексей сделал, как и обещал: рассчитался с долгами фирмы и с кредитами, взятыми Сименко для покупки дома и автомобилей. К середине декабря задолженностей у тестя уже не было. Но здоровье его не спешило поправляться. Однажды вечером, когда Верещагин заехал к нему в клинику, больной слабым голосом поинтересовался делами.

– Идут помаленьку, – ответил Алексей.

– Никто не приходил? – совсем тихо спросил Эдуард Борисович.

– Да заходили как-то двое с уголовными рожами. Что-то потребовали, показали какие-то договоры. Я уж, простите за инициативу, рассчитался с ними. Мог бы, конечно, вас дождаться, но ведь они ходить бы стали, от дел отвлекать.

– Как рассчитался? – не понял Сименко.

– Полностью.

Эдуард Борисович сел в постели.

– Хочешь сказать, что я... то есть мы никому не должны? Ты, родной, ничего не путаешь?

– Да вроде нет. Долги, конечно, большие были, но кое-что у нас все-таки осталось.

Тесть встал с кровати и начал расхаживать по палате. Шаг у него был уверенный и твердый.

– Поспешил ты, однако, – покачал головой Сименко. – Ой, поспешил! Я эти долги опротестовать хотел. Может, не полностью, но большую часть отбил бы. Тогда бы у нас приличная сумма осталась бы. На новый уровень поднялись бы: у меня была мечта свой кораблик завести. Поставили бы его на линию, и в будущем году не пришлось бы фрахтовать чужое судно – знаешь, сколько тогда заработали бы... Ведь, если подумать, с хлопком-то случайно получилось. Вдруг в следующем году ничего такого не будет? Всю жизнь, что ли, нам стивидоркой заниматься? Поспешил ты, брат, поспешил... Ну, раз так вышло, пусть. Завтра на работу выйду, проверю все сам, как вы там без меня...

Такая реакция тестя разозлила Алексея. Его рассердило, конечно, не то, что Сименко собирается вернуться в свой кабинет, а то, что теперь ему стало окончательно понятно: бизнесмен симулировал тяжелую болезнь, чтобы не встречаться с кредиторами, а сейчас, когда он утряс за него все вопросы, изобразил неудовольствие от самостоятельности зятя. Причем, скорее всего, Бронислава Витальевна знала о мнимом инфаркте супруга. А вот знала ли Регина?

Верещагин собрался уходить. Эдуард Борисович проводил его до дверей отделения и, прощаясь, спросил:

– Ты обиделся, что ли? Думаешь, я притворялся, лег в больницу, чтобы спрятаться от кого-то? Врачи и в самом деле думали, что у меня инфаркт или типа того... Я ж на вашей свадьбе лишнего хватанул, и ночью мне реально плохо стало... Слава «Скорую» вызвала, сделали кардиограмму, и меня сразу повезли сюда. Я ж еле дышал тогда...

Сименко говорил отрывисто и громко, с раздражением убежденного в своей правоте человека, которого не хотят понять. А Верещагин и не собирался спорить. Он хотел поскорее уехать домой к жене и наконец попросить ее не давать ему на ужин пакетики с китайской или японской едой.

– ... Стал бы я здесь почти месяц валяться, кабы здоровым был! – не успокаивался Сименко. – Мне и без инфаркта очень хреново было... Сейчас конец года, надо бабки подбивать, а потом уж мы с тобой расслабимся...

Эдуард Борисович похлопал Алексея по плечу.

– Мы с тобой, зятек, такой корпоративчик устроим! Деньги теперь есть. А самое главное – никаких долгов! Завтра я выпишусь, буду приезжать сюда только на процедуры, а послезавтра жди меня на работе... Нет, лучше я выйду с понедельника.

Верещагин спешил домой и в очередной раз думал о тесте. Что он за человек? Плохой или хороший – не разобрать. Вроде не подлый, но безалаберный и безответственный на все сто процентов, готов обещать все, что угодно, а потом забыть о данном слове. Но открытый и приветливый, доверчивый и смешливый. Он даже жене изменяет с собственной секретаршей не потому, что ему очень нравится Кристина, а потому лишь, что считает – это полагается делать по статусу. Ему хочется казаться крупным бизнесменом, а крупному бизнесмену позволительно все: слабости таких людей лишь продолжение их достоинств.

В понедельник Сименко и в самом деле появился в офисе. Зашел в кабинет, посмотрел себе под ноги, потом на стены.

– Так-то лучше, – признал он. – А то устроили здесь цирк. «Чаша, которую держит рука, грудь красавицы или щека»... Тьфу, даже вспомнить противно. Но ведь сработало!

Алексей уступил ему кресло. Эдуард Борисович опустился в него, потом подпрыгнул на месте два раза, словно проверяя, изменилось здесь что-то или нет. Выдвинул ящик стола, заглянул в него. Потом нажал кнопку селектора.

– Кристина, принеси-ка нам чайку.

Посмотрел на зятя.

– Тебе такой же кабинет с приемной подыщем. Бухгалтерию переселим: у них как раз две смежных комнаты – в одной твоя приемная будет, а во второй твой кабинет. Заведешь себе секретаршу... Тебе положено теперь.

– Не нужна мне секретарша, – попытался отказаться Верещагин, – ко мне посетители приходят крайне редко, да и то без предварительной записи.

– Вот это не дело! Надо, чтобы все было, как у людей. Хочешь или нет, но секретарша тебе нужна. Если честно, я тут с одной уже договорился: она в больнице секретарем главврача работала. Такая, я тебе скажу...

Верещагин покачал головой, но тестя это не остановило.

– Вот только не спорь! – продолжал наседать тот. – Она уже уволилась с прежнего места. Куда ее девать теперь?

Эдуард Борисович задумался, и вдруг его осенило.

– Назначу Юльку офис-менеджером. Денег на это найдем. Главное, долгов уже нет...

Ночью Регина спросила:

– Ты не обиделся, что я твою фамилию не взяла? Просто привыкла быть Маневич. И потом, все документы менять не надо – паспорт, диплом, водительское удостоверение... А то была бы такая морока! Кстати, что обозначает твоя фамилия? Это производное от слова «верещать»?

– Не знаю, – сказал Алексей.

– Был такой композитор известный, – вспомнила Регина.

– Художник, – поправил жену Леша. – И не просто известный, а очень талантливый и смелый. Воевал в Туркестане, Георгиевским крестом награжден. Потом на войну с Японией отправился. Погиб вместе с адмиралом Макаровым. Крейсер, на котором они шли, подорвался на японской мине и быстро затонул. Василий Васильевич Верещагин родной брат моего прапрадеда. А тот был знаменитым сыроделом и прославился тем, что придумал новый способ производства масла, получив за это медаль Парижской выставки. Масло потом стало самым популярным в России и называлось парижским, но во всей Европе оно было известно как петербургское и считалось лучшим. После революции название изменили: оно стало называться и до сих пор называется вологодским. Тогда почему-то многие наименования решили поменять: популярную до революции марку пива из «Венского» перекрестили в «Жигулевское», то, что теперь именуется докторской колбасой, раньше было... Ты спишь?

Регина молчала. Алексей наклонился и поцеловал жену:

– Спи, моя хорошая.

Глава 9

Вскоре в офисе появилась новая сотрудница. Кабинета ей не выделили, а посадили в приемной рядом с Кристиной. Девушки не понравились друг другу с первого взгляда, хотя фигурой и ростом были очень похожи: обе высокие, с большим бюстом и полными ляжками – очевидно, этот стандарт привлекал Сименко. Только Кристина после визита узбеков снова стала брюнеткой, а у Юли волосы оказались медно-рыжими с лиловым отливом при электрическом освещении.

Появление в ее вотчине второй работницы ошеломило секретаршу Эдуарда Борисовича. Сначала Кристина молчала и даже решила не отвечать на звонки. А потом, поняв, что новая сотрудница тоже не собирается этого делать, зашла в кабинет Сименко и попыталась у него выяснить, кто главнее – личный помощник генерального или офис-менеджер, по ее мнению, вовсе не нужный.

– У вас все равны, – ответил Эдуард Борисович, – а главный здесь я. Так что иди и делай то, что делала раньше.

Кристина вернулась за свою стойку, по-прежнему стараясь не замечать конкурентку, но когда генеральный пригласил в кабинет не ее, задумалась. После второго за час вызова Юли задумчивость Кристины привела к тому, что она поняла – с ней хотят расстаться.

Конец года приближался стремительно, и хотя год оказался очень успешным для генерального директора, в самой фирме ничего не изменилось: оклады никому не повысили. За исключением разве что Верещагина. Коллектив ожидал премий к Новому году и гадал о пределах щедрости Эдуарда Борисовича. О сумасшедшей прибыли знали все, а вот куда она делась – только строили догадки. Хотя новый автомобиль Сименко не приобретал, а Алексей по-прежнему приезжал на работу на своем «Пассате».

Эдуард Борисович рассчитывал на то, что прибыль от узбекского контракта будет около полусотни миллионов. Но она оказалась значительно меньше, а после уплаты всех налогов и личных долгов генерального денег оставалось совсем немного – только на то, чтобы дожить до начала следующей навигации. Пару раз Алексей звонил в Ташкент и беседовал с Али, интересуясь планами на будущий год, но тот каждый раз отвечал: «Время покажет». Однако в том, что узбекская сторона осталась очень довольна сотрудничеством, не сомневались ни Алексей, ни, тем более, Сименко, который уже строил проекты, просматривал лоты аукционов, где выставлялись на продажу арестованные за долги суда.

– В следующем году купим то, что подешевле, – делился он своими размышлениями с Верещагиным, – желательно с горизонтальной загрузкой. Может, какой-нибудь контейнеровоз присмотрим – тоже без работы стоять не будет. А еще через годик – я не я буду! – приобретем круизный паром. Мы его на Карибы поставим. Устроим рекламную кампанию, чтобы все знали, где можно лучше всего и недорого оттянуться. Я туда же переберусь жить. Оборудую себе в надстройках на верхней палубе апартаменты – за окнами не озеро какое-то, а океан, на берегу не елки-палки, а пальмы... Опять же мулатки... Тут тебе и Барбадос, и Ямайка, и Гаити с Доминиканой. Знаешь, как я море люблю! А ты тут за фирмой присматривать будешь, я тебе полностью доверяю...

Эдуард Борисович так мечтал о море и карибских женщинах, что приказал Кристине и Юле записаться в солярий. Новая сотрудница возражать не стала, а Кристина потребовала, чтобы начальник оплатил ей абонемент.

Корпоратив по случаю встречи Нового года решено было провести в особняке на Каменном острове. То есть это решение принял лично Сименко, ни с кем не советуясь. Кристина от имени начальства объявила всем сотрудникам, что каждый может привести мужа, жену или

иного спутника, но только одного. Если у кого-то есть две кандидатуры и этот человек не может сделать выбор, то таковой сотрудник пусть вообще на корпоративе не появляется. Кого секретарша имела в виду, понять было сложно, но, произнося последнюю фразу, она пристально смотрела на генерального директора.

Бронислава Витальевна присутствовать на празднике наотрез отказалась, сославшись на то, что там будут незнакомые ей люди, причем совершенно ей не интересные, а смотреть на то, как сотрудники со своими семьями налегают на дорогое шампанское и черную икру, ей не хочется. А если у нее возникнет желание пообщаться с Дедом Морозом, то она всегда сможет вызвать его на дом – хоть со Снегурочкой, хоть верхом на олене. Регина, присутствовавшая при этом разговоре, рассмеялась. Но когда вернулась вместе с мужем в городскую квартиру, неожиданно заявила, что тоже не хочет идти. Ее внезапное решение Верещагина удивило и расстроило. Но спорить и убеждать жену он не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.